

КАК ВИДЕТЬ КИТАЙ?

/«ПШЕКУРИЙ», №2308, 17 сентября 1989г./

Мир, в который раз не может успокоиться и прийти в себя от ужаса и возмущения жестокостью китайцев — как будто бы никогда не было Пол Пота, Иди Амина, убийш-аятолл и жестоких каудилльо. Возможно, это объясняется тем, что большинство властителей старается покрыть свои преступления тайной, китайцы же делают это публично: террор должен производить впечатление и пугать собственный народ, а также варваров и врагов.

Уже многие императоры держали при себе весьма почитаемых мастеров пыток, которые относились к своему ремеслу как к искусству, в котором следует непрерывно совершенствоваться. Вершиной искусства мучительства была "тысяча смертей", когда подопытный умирал в течение многих месяцев — его душили, прижигали, расщепляли и четвертовали в соответствии с утонченнейшими анатомическими критериями, а кормили его при этом его собственным телом.

Еще последний император, правивший по милости японцев, Пу И, которого коммунисты впоследствии превратили в садовника, описывал чудовищные публичные казни. Осужденные — якобы разбойники, а на самом деле схваченные на полях крестьяне — были выстроены в шеренгу на внутренней площади перед дворцом. Палач, перемещаясь вдоль шеренги приговоренных, вспарывал им животы, а стоящий позади каждого казнимого солдат наносил ногой удар очередной жертве ниже крестца, так что внутренности вываливались наружу. Вопящие и содрогющиеся тела медленно истекали кровью на глазах многочисленных толпящихся дворян и обывателей.

Мао Цзедун, захватив власть в Китае, велел уничтожить по меньшей мере миллион собственников земли. Сколько их было в точности — никому не известно. Мао хотел лишь убедиться в том, что будет их достаточно много, ибо "если бы мы не убили людей, ненавидимых массами, массы этого бы не поняли".

Однако, даже если предположить, что жестокость свойственна природе китайцев (а какой нации она чужда?), из европейской перспективы остается непонятной та подчеркнутая демонстративность, которая сопутствовала жестокой расправе со студен-

тами, несмотря на все протесты так называемого мирового общественного мнения. Но ведь и мир до сих пор не мог предложить очень уж много доброго китайцам. Их государство в течение тысячелетий было замкнутым и самодостаточным (даже знаменитая Великая Стена скорее предотвращала влияния извне, чем защищала от нападений). Только в XIX веке европейцы насильственно заставили Китай открыться миру. Одним из наиболее позорных эпизодов европейского давления была —

опиумная война.

"Все у нас есть — не нужны нам ваши товары", — заявил император Цюан Лон в 1793 году послу короля Англии Георга III лорду Маккартни, прибывшему в Китай ради оживления торговли. Император демонстративно выказал пренебрежение к подаркам, которые желали преподнести пришельцы (как отметил хронист, их стоимость составляла более 13 тыс. фунтов стерлингов), заявляя, что его "не интересуют такие странные и дорогие вещи".

Неудача миссии Маккартни означало, что англичанам по-прежнему придется платить за товары, вывозимые из Китая, золотом: коренья, шелк и прежде всего чай, становящийся в то время национальным напитком англичан (в 1808 г. они вывезли уже 26 тыс. тонн и этот импорт непрерывно возрастал). И именно тогда, в Кантоне, у которого была концессия на торговлю с внешним миром, купцы открыли ценный товар для обмена: опиум. Порок опиумокурения молниеносно распространялся по Китаю, тайные, отечественные плантации мака уже не могли обеспечить удовлетворение спроса, к тому же опиум, производящийся в завоеванной британцами Индии, был куда более высокого качества.

В Кантон стало доставляться все больше наркотика британскими торговцами (с 1800 г. в Китае действовал запрет на производство и торговлю опиумом). Прибыль за это уже в 1820 г. превысила доходы от экспорта чая, в 1837 г. англичане продали в Китай 4,3 тыс. тонн опиума стоимостью в 30 млн. тогдашних долларов (сейчас надо было бы умножить эту сумму на несколько сотен!). В южном Китае 90% населения — от самых богатых до нищенствующих, даже монахи и монашки — оказались в сети порока.

В 1939 году император решает укротить контрабанду опиума. В Кантон прибывает мандарин Лин Цзэсюй. Он конфисковывает и пуб-

лично уничтожает 2 тыс. тонн опиума. Но европейские купцы чувствуют себя униженными и желают помощи от британского правительства.

Тогдашний министр иностранных дел в британском правительстве лорд Палмерстон, легкомысленный и вечно стягощенный долгами джентльмен с достаточно сомнительной репутацией, тотчас выслал в Китай экспедиционный корпус, чтобы наказать "скупых желтых", вернуть "национальное достоинство" и возобновить приносящий немалые прибыли бизнес. На 16 судах, на палубах которых было установлено 540 орудий и размещено 4 тыс. солдат, двинулись британцы на первую опиумную войну, которую они сами стыдливо именовали "торговой войной".

Хотя китайцы могли выставить куда более многочисленную армию, все решал технический перевес. Во время боев в Кантоне британцы застрелили 500 китайских солдат, не потеряв ни единого человека. В узких улочках города громоздились кучи мертвых и умирающих китайцев.

Китайцы уплатили контрибуцию в размере 21 млн. долларов и отдали британцам Гонконг. В китайском тексте ради сохранения лица это было сформулировано следующим образом: "император обеспечивает британцам место для отдыха после долгого пути в Китай".

О подлинной причине войны — опиуме — в договоре не сказано было ни единого слова. Торговля этим наркотиком, хотя по-прежнему незаконная, процветала теперь беспрепятственно и в итоге наркоманами стали почти 100 млн. китайцев.

Опиумная война и ее последствия стали началом столетия унижений Китая. Империалистические державы накинулись на империю, как грифы на издыхающее животное. Вскоре, по образцу договора с британцами, были подписаны очередные "неравноправные договоры" с Америкой и Францией, а позже также с Россией, Японией и Германией.

В течение всего XIX века, и даже позднее — до середины нашего столетия — все новые и новые вооруженные экспедиции будут уничтожать и грабить Китай, оставляя за собой кучи трупов. Контрибуции будут доводить страну до разрухи, а очередные "договоры" будут отрывать от территории государства все новые и новые куски, глубоко рана при этом чувства гордости и достоинства у китайцев.

Может ли народ, имеющий подсобный опыт общения с длинноносыми (так презрительно называют белых), считаться с мнением Длинных Носов? Тем более, что нынешний китайский истеблишмент имеет печальный опыт общения и с теми, на которых этот истеблишмент рассчитывал и на идеологическое повиновение которых рассчитывал.

Мао и Сталин

В 1912 г. последний император официально отрекся от трона. Китай становится республикой. Но по-прежнему центральная власть — слаба, чем дальше от Пекина, тем сильнее произвол местных властителей (военноначальников — так называемых "уорлордов"). И, как и прежде, государство не в состоянии противиться давлению со стороны иных стран, особенно усиливающейся Японии. Ситуации не изменил и переход власти к Чан Кайши.

В 1921 году в Китае создается коммунистическая партия. Вскоре к ней присоединяется Мао. Москва рекомендует партии союз с Чан Кайши, что приводит к массовому уничтожению коммунистов в 1927 году. Съезд партии, назначенный годом позже, приходится проводить в Москве, потому что в Китае для него не найти безопасного места. В Москве заседающие товарищи посмеиваются над Мао, которого несколько месяцев назад выкинули из партии "за ревизионизм" — он считал, что в лишенном рабочего класса Китае, революция должна опираться на крестьянство.

А Мао в это время в плодородной местности провинции Цзянси, на юге страны, под защитой боеспособной армии провозглашал Республику Советов. Эмиссары из Москвы вновь уговаривают его вступить в союз с Чан Кайши и продолжить борьбу с японцами, экспансия которых уже начинает становиться опасной для советских интересов в Манчжурии и Монголии. Но Чану тоже не хочется такого союза и он начинает кампанию против республики Мао. Как раз в то время начинается эпопея Долгого Марша: окруженные войсками Чана коммунисты прорывают кордон, а затем, уходя от преследований, — проходят в течение 368 дней 10 тыс. км. Будут во время марша моменты, когда солдаты будут пить собственную мочу и выгребать из собственных испражнений непереваренные зерна, чтобы вновь употребить их в пищу. Из 86 тыс. до цели дошли лишь 5 тыс.

Десятью годами позднее, — в 1945 г. — на севере Китая, где закончился Долгий Марш, Республика Советов уже занимает около миллиона квадратных километров и насчитывает 100 млн. жителей. Но Сталин (как и иные государства Большой Коалиции) в ходе войны с японцами оказывает военную помощь только националистам Чан Кайши. Помощь СССР Чану составила 250 млн. долларов, около тысячи самолетов и 2 тысяч пилотов; советские строители построили в Китае тысячи километров дорог. Мао в это же время Москва бомбила тысячами тонн бумаги. Сталин посылал в Яньань самолет за самолетом, с грузом коммунистической литературы, переведенной на китайский язык: речи Ленина и его собственные, памфлеты Коминтерна и газету: "Правда". "Для буржуазии — оружие, для пролетариата — книжки", — с горечью говорили китайские коммунисты.

Когда Чан в 1946 году приступает к "окончательной" расправе с коммунистами, Сталин грабит Манчжурию. СССР, объявив войну Японии, через два дня после Хиросимы, занял эту индустриализованную провинцию и начал демонтаж заводов, производящих оружие.

В направлении Сибири потянулись тысячи составов, нагруженных машинами, оборудованием и демонтированными укомплектованными цехами фабрик и заводов. Прежде чем окончательно уйти, русские в мае 1946 года сняли даже железнодорожные рельсы. Стоимость этих трофеев превысила 2 миллиарда ~~рубли~~ долларов — в то время это была огромная сумма.

Кстати, неизвестно, не были ли для Мао более болезненны афронты, на которые не скупился Сталин. Еще в 1949 году, когда режим Чана разваливался, Сталин советовал Мао помириться с Чаном и поделить Китай. Советский посол был единственным дипломатом, сопровождавшим Чан Кайши до самого конца — до отправления на Тайвань. А когда Мао прибыл в Москву с первым визитом, Сталин много дней отказывался его принять, пока тот не пригрозил немедленным стъездом. Затем Сталин пригласил Мао в Большой театр на балет, в котором советский моряк поднимал на революцию китайских кули. В московских центрах китайских товарищей пренебрежительно называли "редисками": редиска снаружи красна, а внутри — бела.

~~ЖЖЖ~~

Теперь ситуация стала противоположной. Прежде считавшийся "редиской" — Дэн Сяопин — превращается в опору социализма, такого социализма, который соответствовал бы догматам.

Уже в конце 1986 года, когда студенты демонстрировали свою приверженность демократии, великий реформатор был этими демонстрациями весьма разгневан.

Когда этой весной студенты вышли на улицы, Дэн велел стрелять по демонстрантам — и с его точки зрения это было логично, так как менее всего ему хотелось бы ликвидации социализма, которая наблюдается в Москве и иных странах блока. Дэн хотел бы реформы Китая, но лишь такой, которая сделала бы Китай самым сильным социалистическим государством мира.

Когда движение начало выходить из-под контроля партии, высвобождая силы, открыто заатаковавшие коммунистическую монополию на власть и приступившие к борьбе за свободу западного образца, Дэн твердо и не обинуясь повелел своей стране совершить великий скачок вспять.

(По материалам журнала "Дер Шпигель").

.....